

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПРАВА И ЧУВСТВО
СОБСТВЕННОЙ ПРАВОТЫ: ОТСУТСТВУЮЩИЕ
КОНЦЕПТЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕНИИ О ПРАВЕ
Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Ю. Е. ПЕРМЯКОВ*

На рубеже XIX–XX вв., когда Л. И. Петражицкий заявил о своем психологическом учении о праве, интерес научной общественности был сосредоточен на концепции известного немецкого правоведа Рудольфа Иеринга. Лишенная философско-спекулятивного обоснования, его социологическая трактовка права как подлежащего государственной защите интереса отвечала духу времени, но вместе с тем оставляла без ответа вопрос о научных критериях, определяющих приоритеты и пределы защиты конкретных интересов. Вместе с В. С. Соловьевым Л. И. Петражицкий разделял убеждение в том, что у права и нравственности имеются общие основания, однако он не признавал государство компетентным в вопросах нравственности. Задачу прогресса и приближения к общественной жизни нравственных идеалов он возлагал исключительно на человеческую личность и культуру. Поскольку в начале XX в. лишь психологии отводилась роль науки о внутренних, т. е. свойственных человеческой личности, законах поведения и выбора решения, Л. И. Петражицкий назвал свою концепцию права психологическим учением о праве. В статье высказан тезис о том, что на самом деле Л. И. Петражицкий под психологией имел в виду теорию правовой личности, к созданию которой теория права в процессе философского осмысления «действительности права» приступила лишь в XX в. Правовые притязания, рассчитанные на авторитетное признание, составляют ее основание. Л. И. Петражицкому не удалось придать завершенный характер собственной концепции права по той причине, что понятие целостной личности, без которого ее притязания не могут быть поняты и объяснены, возвращало бы его к отвергнутой им ранее философской метафизике с ее методом «постулирования».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическая догматика, действительность права, притязание, правовые эмоции, субъект права, методология философии права, Л. И. Петражицкий.

PERMYAKOV Y. E. THE VALIDITY OF LAW AND A SENSE OF SELF-RIGHTEOUSNESS: THE MISSING CONCEPTS IN THE PSYCHOLOGICAL DOCTRINE OF LAW BY LEON PETRAŽYCKI
At the turn of the 19th — 20th centuries, when L. I. Petrażycki announced his psychological doctrine of law the interest of the scientific community was focused on the concept of the

* Пермяков Юрий Евгеньевич — канд. юрид. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева.

Yuri E. Permyakov — PhD in Law, Associate Professor, Samara National Research University named after S. P. Korolev.

E-mail: permyakov54@mail.ru

© Пермяков Ю. Е., 2017

УДК 340.11

famous German jurist Rudolf Ihering. Deprived of a philosophical and speculative rationale, his sociological interpretation of law as an interest subject to the state protection was in the spirit of the time, but at the same time it did not answer the question regarding scientific criteria that determine priorities and limits of protection of the specific interests. Together with V.S. Soloviev, L. I. Petrażycki shared the belief that law and morality have common grounds, but he did not recognize the state to be competent in the matters of morality. He attributed the task of progress and approximation of moral ideals to social life solely to the human personality and culture. Since at the beginning of the 20th century only psychology was regarded as the science of internal, that is intrinsic to a personality, laws of behavior and choice of solution, L. I. Petrażycki called his concept of law a psychological doctrine of law. The article expresses the thesis that in fact L. I. Petrażycki by psychology meant the theory of legal personality formation of which started only in the twentieth century within the process of philosophical comprehension of the “law validity”. It is founded on the legal claims designed for the authoritative recognition. L. I. Petrażycki failed to give the completed character to his own concept of law because the concept of an integral personality, without which its claims could not be understood and explained, would bring him back to the philosophical metaphysics with its method of “postulating” which he had rejected earlier.

KEYWORDS: legal dogma, validity of law, claim, legal emotions, holder of right, methodology of the philosophy of law, Leon Petrażycki.

Рубеж XIX–XX вв., когда Л. И. Петражицкий впервые опубликовал свои «Очерки философии права» и выступил с развернутой критикой современных ему воззрений на существо права, для теоретической науки о праве был знаменателен тем, что время взывало к социальным и политическим реформам, о которых юридическая догматика, не предназначенная для рассуждений о должном, мало что могла сказать по существу. Социальный механизм реализации права, его цели и вопросы его эффективности со временем образуют предмет новой отрасли знаний — социологии (политики) права, о необходимости которой высказывались в России и за рубежом. В центре всеобщего внимания находилась концепция известного немецкого правоведа Рудольфа Иеринга. Его социологическая трактовка права как подлежащего защите интереса оставляла без внимания вопрос о критериях, в силу которых определение приоритетов и пределов защиты конкретных интересов могло бы претендовать на научность.

Понимая интерес как жизненное требование и личное благосостояние, Р. Иеринг полагал, что непрекращающееся развитие культуры исключает возможность универсального, одинакового для всех времен и народов определения меры правовой защиты¹. Он признавал значимость общественных настроений и соображений о справедливости, однако последнее слово оставлял за государством: «Я не говорю защита права, но защита государства»². Политическое либо судейское усмотрение в решении вопроса о защите интереса было сочтено критиками этой концепции объяс-

¹ Иеринг Р. фон. Интерес и право // Иеринг Р. фон. Избранные труды. Самара, 2003. С. 403–404.

² Там же. С. 454.

нением неудовлетворительным и тавтологичным, поскольку в этом случае под правом следовало бы понимать любой произвол, который властным образом облечен в юридическую форму. В философской системе В. С. Соловьева, одного из критиков концепции Р. Иеринга, это означало, помимо прочего, что право лишено устойчивой связи с собственными нравственными основаниями и противоположно этике³.

Возражения В. С. Соловьева, который не принял социологическую установку Р. Иеринга, в свою очередь, не устроили Л. И. Петражицкого. Определение права как «минимума добра» таило в себе угрозу неверного практического действия, достаточно было лишь указать на что-либо, например на государство, в качестве института, посредством которого гармоничное соизмерение права и нравственности становилось реально выполнимой и политически сформулированной задачей. Но этот духовный труд — соизмерение чего бы то ни было с нравственными идеалами — Л. И. Петражицкий возлагал только на человеческую личность и культуру. Ни государство, ни общественные союзы нравственными императивами не обременены и никакой «волей» для совершения каких-либо действий не обладают. Поскольку из всех известных ему наук о человеке лишь психология была явно нацелена на приобретение знаний о внутренних, т. е. собственных человеческой личности, законах поведения и выбора решения, он назвал свою концепцию права психологическим учением о праве. Однако цель, которую поставил перед своим исследованием Л. И. Петражицкий, была психологии совершенно не свойственна; впрочем, не свойственна она и поныне. Как отмечал он сам, эта наука с имеющейся у нее методологической базой была не готова послужить фундаментом для прогресса в области зависящих от нее теории и политики права (и нравственности)⁴. Ее прежде необходимо было реформировать, для чего следовало отказаться от той точки зрения, будто психология предназначена для описания фактов психической жизни. Эта наука, писал Л. И. Петражицкий в многословных примечаниях, предназначена разрабатывать учение о психологических классах и классовых понятиях и суждений⁵. Однако классификация понятий не сводится к составлению их перечня на основе заранее определенных формальных признаков. Классификация, по представлению Л. И. Петражицкого, должна быть основана на существенных признаках, иначе говоря, на основе того или иного видения сути изучаемого объекта.

На самом деле Л. И. Петражицкий под психологией имел в виду некую теорию личности, которая не столько описывала бы психическую структуру человеческой активности с сопровождающими и определяющими этот вид жизнедеятельности познавательными, эмоциональными и волевыми процессами, сколько разрабатывала бы концепцию индивидуальной реаль-

³ Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 8. СПб., 1914. С. 537, 540. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2 (дата обращения: 20.10.2017).

⁴ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. С. 8–9.

⁵ Там же. С. 160.

ности, в которой нашлось бы место для переживаний права и нравственности в виде чувства связанности собственной воли. И лишь таким образом подтвержденный факт духовной состоятельности права мог бы свидетельствовать о его реальности и действительности. Право, которое не способно побуждать личность к действию, не имело шансов быть засвидетельствовано в каком-либо виде, тем более в качестве социальной и практической ценности. По этим соображениям мотивационная способность права составила главный исследовательский интерес, которому Л. И. Петражицкий дал название «психологическое учение о праве и нравственности»⁶. Если учесть, что иное действие права, которое миновало бы личность и ее способность к восприятию официальных законодательных положений опытной наукой, не допускалось и не презюмировалось, следует признать, что в качестве узловой проблемы в концепции Л. И. Петражицкого о себе заявила действительность права — проблема, которая лишь в середине XX в. окажется в центре внимания правоведов⁷.

Как и любой вопрос о действительности чего-либо, вопрос о действительности права есть вопрос прежде всего философский, относящийся, в частности, к разделу онтологии права и долженствования, даже если сам исследователь декларирует свой интерес к основаниям обязательности правовых актов и акцентирует внимание на причинах (источнике) обязывающего действия, а не на фигуре его реципиента. Однако лишенная практического значения спекулятивная философия до возрождения интереса к прежней метафизике и переосмысления собственных задач в середине XX в. (здесь следовало бы в первую очередь назвать имена Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, усилиями которых философия вернула себе статус серьезного и ответственного занятия) отпугивала не одного лишь Петражицкого, но и других известных всему миру исследователей, предпочитавших поместить свой интерес к культуре и человеческой личности в область психологической науки⁸. Петражицкий отрицательно относился к метафизике в целом и в особенности ее методу «постулирования»⁹. Он разделял убеждение В. С. Соловьева, согласно которому «философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила

---

⁶ Интересно, что в работах по истории юридической психологии имя Л. И. Петражицкого не упоминается вовсе. См., напр.: *Козырева И. Е.* Юридическая психология: история и современность // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика»: в 2 ч. / отв. ред. Ф. Х. Галиев. Ч. 1. Уфа, 2015. С. 239–245.

⁷ *Тимошина Е. В.* Право без суверена: проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Право и государство. 2015. № 4. С. 88–92.

⁸ С интереса к праву, нормативной культуре и философии свой путь к психологии прошли такие ученые, как М. Вертгеймер, А. Маслоу, С. Л. Рубинштейн.

⁹ «Что бы мы сказали о таком охотнике, который бы заглянул на месте охоты в сумку и, увидев, что там нет зарядов, успокоил себя рассуждением: я явился на охоту и имею в виду стрелять дичь, но для этого необходимо постулировать наличие зарядов, независимо от того, есть ли они фактически в сумке или я их забыл дома; если я желаю охотиться, я должен необходимо исходить из наличия зарядов» (*Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности... С. 153).

свое развитие и перешла безвозвратно в мир прошедшего»¹⁰. Разделяя убеждения В. С. Соловьева о служении добру и любви, Л. И. Петражицкий уже в самом начале своей научной карьеры отказался от наивно-морализаторских упрощений и сведения задач науки к декларации общих положений и лозунгов, в чем небезосновательно упрекают и поныне сторонников идеи естественного права. Понимая, что право является не только продуктом, но и фактором культуры, Л. И. Петражицкий поставил своей задачей устранение капитального недоразумения современной ему науки о праве, заключавшееся, по его мнению, в том, что она лишена способности видеть собственный предмет¹¹. Он посчитал, что наука обязана не измышлять, но наблюдать свой предмет, знать его существенные признаки и правильно их формулировать. Рассуждения о душе человека в рамках спекулятивной философии с ее претензией на осведомленность о господствующей в мире необходимости и всеобщности уже в середине XIX в. уступили место иной методологии, в основу которой были положены наблюдения за реально существующими объектами. Основатель экспериментальной психологии В. Вундт, работы которого были известны Л. И. Петражицкому, в «Основах физиологической психологии» (1874 г.) предложил практиковать в изучении человеческой психики метод интроспекции, т. е. психологическое самонаблюдение, благодаря которому внутренний опыт представал не через призму интеллектуально-метафизических представлений, что увлекло бы в область философии или физической причинности, исследованием которой занимается естествознание, а как совокупность волевых актов, сопровождающихся как простыми, так и сложными эмоциональными переживаниями¹².

Эта методологическая основа отчасти объясняет необычный для того времени стиль научных рассуждений: Л. И. Петражицкий не примкнул ни к одному течению теоретико-правовой мысли и не старался быть энциклопедистом в ряду тех юристов, кто занят, по его выражению, «исторической и догматической микроскопией»¹³. Он предпочел непосредственно обратиться к правовой реальности, которая оказалась совсем рядом — в собственной душе. «Основным, вполне достоверным и непосредственно нам данным материалом для познания существа права являются наши внутренние психические акты. Дело в том, что право есть (этого никто не

¹⁰ Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 5.

¹¹ В третьем издании своей знаменитой книги он, в частности, заявил: «Заблуждение, в котором находится наука о праве, таково, что оно совсем скрывает от ее взоров действительно существующее, исключая всякую возможность его наблюдения и познания, и вместе с тем заставляет ее совершенно напрасно и бесплодно тратить время и энергию на поиски и исследования в такой сфере, где искомого найти и исследовать невозможно, заставляет верить, что оно все-таки там существует, и вследствие этого произвольно конструировать в своем воображении то, чего на самом деле нет» (Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности... С. 26).

¹² Батыршина А. Р. Вильгельм Вундт: психология волевых актов // Высшее образование сегодня. 2008. № 11. С. 61–65.

¹³ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности... С. 2.

отрицает) явление не внешнего, материального мира, как напр., камень, дерево, а явление духовного мира, психическое явление, явление нашей души; поэтому с природой его непосредственно познакомиться мы только и можем (но зато можем познакомиться непосредственно и достоверно, не только так, как с камнем или деревом) в нашей душе, т. е. путем наблюдения, сравнения, анализа наших же собственных душевных состояний и движений»¹⁴.

Итак, Л. И. Петражицкий предложил исследовать душевные состояния, предполагая наличие такой целостности, как личность, в противном случае он был бы вынужден считаться с существованием телодвижений без тела, суждений без рассудка и психических состояний без психики. Однако в системе разрабатываемых им категорий такой категории, как личность, интегрирующей в себе различные проявления сложившейся активности, нет. Вместо этого Петражицкий, следуя давно сложившейся традиции, вступает в спор о свободе воли и полагает, что научное исследование причинной зависимости воли и поведения составит задачу науки в будущем¹⁵. В его концепции понятию личности не нашлось места, хотя оно было бы более чем уместным. Возможно, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что юридическим аналогом понятия «личность» выступает «лицо» — так юристы преимущественно именуют не реально существующих людей, а юридические фикции и конструкции, с которыми закон связывает возможность утвердительных суждений и юридические последствия таковых безотносительно к их реальному смыслу в практической жизни. Исключено, чтобы юридическое лицо — коллективное или индивидуальное, т. е. «физическое» — переживало душевные волнения и чувствовало связанность своей воли. По мнению Л. И. Петражицкого, реалистические теории субъекта права также не выдерживают критики. «Если юридические лица не суть существующие действительно субъекты прав, то, стало быть, так и следует признать, что особых субъектов права кроме отдельных людей, физических лиц, не существует»¹⁶. Идею о наличии бессубъектных комплексов прав и обязанностей, не принадлежащих отдельным лицам, Петражицкий определил как непостижимую для ума человеческого¹⁷. Однако и в учении о физическом лице он находит такие же неустранимые противоречия. В итоге, делает вывод Л. И. Петражицкий, правоотношение не есть какое-то особое «житейское» отношение между противостоящими друг другу людьми, а представляет собой психическое явление¹⁸. «Живой человек как таковой не может являться элементом правоотношения — субъектом правоотношения, и его существование вовсе не то же, что существование лица в юридическом смысле»¹⁹. В дис-

¹⁴ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. СПб., 1900. С. 9.

¹⁵ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности... С. 161.

¹⁶ Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб., 2010. С. 373.

¹⁷ Там же. С. 375.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

куссии с П. И. Новгородцевым Л. И. Петражицкий высмеивает юридическое понятие субъекта. Тот, кто переживает правовое суждение «казна имеет право на то-то», по мнению Л. И. Петражицкого, ошибочно предполагает, что право находится где-то у какого-то странного субъекта, в направлении которого он совершает наивную проекцию²⁰.

Л. И. Петражицкий считал методологически неверным все явления психической жизни сводить к какому-либо одному классу — познанию, воле или чувству, и выступал против учений, которые трактуют роль каких-либо явлений психики в произвольно выбранном направлении («интеллектуализм», «волюнтаризм», «пангедонизм»)²¹. Так, ощущения, на основе которых формируются представления и протекает процесс познания, в то же время вызывают чувства удовольствия и неудовольствия, без которых была бы невозможна борьба человека за существование. Например, голод относится то к познавательным явлениям, то к чувственным. Л. И. Петражицкий предложил усложнить структуру психической организации человека. Он стал проводить принципиальное различие между голодом как физиологическим (нехватка пищи) и психическим (аппетит) явлениями. Между этими двумя явлениями иногда вообще не наблюдается какой-либо связи, например, в случае, когда еда вызывает нежелательные, отвращающие охоту утоления голода ассоциации. Физиологические процессы могут управляться и корректироваться эмоциями, среди которых Л. И. Петражицкий выделяет одно- и двусторонние переживания. Он усложняет систему элементов, из которых складывается психическая жизнь, чтобы в конечном счете объяснить избирательность реагирования на те или иные запреты и веления. Однако и существу, обладающему сложной психофизиологической организацией, в той же степени, что и юридической конструкции «субъект права», чужды правовые и нравственные чувства, такие как вина, стыд, раскаяние, солидарность, гордость, превосходство, месть, правота и боль утраты. Как личность, будучи существом духовным, находится вне здоровья и психической болезни, так и правовые чувства, очевидно, расположены далеко за пределами психического²². В современной науке боль перестали редуцировать к чистому ощущению, поскольку она всегда аффективно нагружена и пронизана смыслами. Это уже не эмоция, но «биокультурный» феномен, результат расшифровки и перевода телесных состояний в сферу социальных — правовых, моральных, политических и иных значений²³.

Возможно и другое объяснение неприятия Л. И. Петражицким понятия личности: целостность не наблюдают, ее постулируют. Личность,

²⁰ *Петражицкий Л. И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. С. 564.

²¹ *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности... С. 175–179.

²² «Поражающему воздействию типа психотического заболевания подвергается всегда только лишь психофизический организм, ведь личность, будучи духовной, находится вне здоровья и болезни» (*Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 103).

²³ *Кобылин И.* История боли: аффект, языковые игры и биополитика страдания // НЛО. 2017. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/3/istoriya-boli-affekt-yazykovyey-igry-i-bio-politika-stradaniya.html> (дата обращения: 20.10.2017).

которая в себе интегрирует различные психологические движения и состояния, расположена за пределами сектора собственно производимого наблюдения. Право настаивает на преемственности разрозненных с точки зрения психологии поступков, когда формулирует условия субъективного вменения: никто не вправе сослаться на то, что совершенный поступок был вызван мотивами, утратившими свою связь с нынешними качествами субъекта. Вследствие этих приемов юридического мышления Л. И. Петражицкому было затруднительно истолковывать и употреблять в качестве обозначения целостного предмета понятие личности и ее юридического статуса. Наблюдение связанности собственной воли в каком-либо одном отношении недостаточно для предположения о связанности воли в другом отношении.

Поскольку никакое отдельно взятое переживание или их совокупность не могли дать целостное представление об объекте, психологическое учение осложняло — если не исключало вовсе — всякую дедукцию. Обобщение опыта или классификация ощущений наблюдением не достигается. Поэтому норма права наделяется в концепции Петражицкого двумя значениями: как явление права она представляет собой психическое явление, как законодательное средство она расположена за пределами психического, поскольку предназначена вызывать психическую реакцию и рассчитана на возбуждение мотивов совершения определенных поступков.

Индуктивный метод, базирующийся на наблюдении и эксперименте, не позволял формулировать многоуровневые понятия, в итоге надличностные образования — общественные союзы, правосудие, государство — остались в концепции Л. И. Петражицкого без объяснения своей природы. Но самый серьезный изъян его концепции состоял в том, что там не нашлось ничего, что объясняло бы поведение другого контрагента и обоснование притязаний со стороны другого. Диалектика существования права как «бытия посредством другого» в учении Петражицкого не могла быть задействована, поскольку диалогическое мышление еще не стало общепризнанным приемом в философии права. Однако вне понимания характера эмоционально переживаемой ситуации чувства объяснить невозможно, в то время как любая попытка внести ясность в понятие «ситуация» всегда сопряжена с необходимостью обозначить в ней присутствие и роль другого контрагента. Этот ход рассуждений означал бы расставание с интроспективным методом, лежащим в основании концепции Л. И. Петражицкого. Строго говоря, он воспользовался приемом раскритикованного им И. Канта: его субъект права, испытывающий правовые чувства, просто проецирует на другого участника отношений те свойства и притязания, которыми обладает сам. По этой причине концепция Петражицкого не располагает объяснительным потенциалом для теоретического освоения такого эмоционального переживания, как чувство справедливости, и, что было бы принципиальным шагом вперед, индивидуального притязания на защиту, которое хоть и вырастает из двусторонних отношений, но адресовано не контрагенту, чья воля в конфликтной ситуации состоит в покушении на чужой интерес и чужое право, а властному и наделенному авторитетом

посреднику, инстанции, т. е. той надындивидуальной сущности, действительность которой невозможно установить методом психологического наблюдения или анализа. Между тем именно реальность защиты, а не ожидание покровительства и не субъективное притязание на внимание к своей особе со стороны государства свидетельствуют, причем на уровне эмпирически наблюдаемой действительности, о том, состоялось ли право как социальный факт и объект морально-нравственной оценки.

Мы наблюдаем множество притязаний, часть из которых представляют собой фантазии самовлюбленных людей, не располагающих никакими основаниями для обретения привлекательного статуса. Наконец, мы знаем по собственному опыту, что притязание никогда не бывает настолько явным, чтобы человек мог быть уверенным в том, что посетившее его желание действительно стоит того, чтобы быть реализованным. Представляется весьма важным наблюдение В. П. Малахова за тем, как выход за пределы правового пространства влечет для личности утрату ее целостности, полноты. Ущербность структуры «правового существа», грозящая разрушением всей структуры права, заключена в том, что на месте притязания оказывается прихоть, односторонне подчиняющая себе средства коммуникации, пренебрегающая границами и абсолютизирующая момент субъективной устремленности. Возведенная в ранг общественной насущности, прихоть реализуется посредством деспотической организации общественной жизни и служит тем историческим поводом, осмысление которого наряду с другими фактами политической жизни порождает у общества сомнение в подлинности права²⁴.

Притязание, ориентированное на признание со стороны официальной инстанции, обретает форму субъективного права и, в отличие от каприза, прихоти или иного варианта устранения воли контрагента, нацелено на сохранение с ним единства в границах оформляемой посредством правовых практик социальной общности. Однако в определении специфики правового признания есть свои сложности.

Следуя интроспективной стратегии научного поиска, В. П. Малахов вводит понятие «правовое существо», т. е. «человек, бытующий в сетке координат правовой реальности и переставший быть полноценным человеком, как только он за пределы этой сетки выходит (или выпадает)»²⁵. В отличие от концепции Л. И. Петражицкого взгляд В. П. Малахова на правовые притязания не ограничен психологической картиной социальной реальности: не притязания порождают право, а само притязание и есть право. «В притязании как акте вся полнота содержания права находится как бы в свернутом виде»²⁶.

Признание содержит в себе момент узнавания вещи по ее признакам с известной долей риска. Непосредственным социальным последствием признания выступает консолидация, образование группы, члены которой

²⁴ Малахов В. П. *Философия права*. М., 2002. С. 300–301.

²⁵ Там же. С. 251.

²⁶ Там же. С. 279.

сошлись во мнении о каком-либо предмете. Признание сопряжено с риском ошибки и с возможностью оказания помощи или поддержки. Бытие признанности опирается на поддержку неопределенного множества лиц²⁷. Сообщение о признании может не вызывать доверия, стало быть, оно отличается от просто высказанного мнения тем, что в самом себе также содержит притязание на признание. Поэтому признание, претендующее на социальные последствия, вряд ли возможно в одностороннем порядке как простой психологический акт. Речь, по-видимому, должна идти о взаимном признании, которое, если оно состоялось, именуется новым качеством предмета — признанностью. «Признанность оказывается тем, что определяет (формирует, создает) меру усилий правового существа в реализации своих притязаний»²⁸.

Итак, правовым статусом обладает некто, и этот некто перемещается от одного статуса к другому, поскольку у него есть притязание стать тем, кем он возмнил себя в области нравственных размышлений о смысле собственного существования и своей роли в жизни других. Этот ход рассуждений глубоко чужд Петражицкому, поскольку в его интерпретации правовое притязание выступает лишь следствием встречи с обязанным лицом, и оно имеет не столько экзистенциальную, сколько сугубо психологическую природу. Л. И. Петражицкий готов принять постановку вопроса о нравственных задачах права, но ему претит признание должностования, если оно не помещено в прокрустово ложе психического переживания.

Опыт бесчувственного отношения к жизни настолько неестественен для права, что об этом можно было бы не упоминать. Обращение к правовым нормам и институтам предполагает заинтересованность субъекта права в собственной судьбе, если не сказать больше — уязвленность собственным статусом, когда тот не соответствует представлениям субъекта о самом себе и усвоенным представлениям о справедливости. Поэтому любые рациональные обоснования притязаний, практикуемые в сфере права, формируют у всех, кого они касаются, не только ценностное отношение, но и многообразие чувственных реакций, сопровождающих практически каждое правовое суждение. Это эмоциональное содержание правовой жизни хорошо известно как практикующим юристам, так и теоретикам права. Мы часто наблюдаем непосредственные реакции участников разнообразных правовых ситуаций: одни из них — негативные — сопровождаются расстройством, аффективным поведением, бранью, не всегда удачной лексической формой внешнего выражения (особенно при негодовании или в тревожном состоянии), другие носят позитивный характер и создают благоприятные условия для коммуникации (например, удовлетворение от сообщения о задержании преступника, уверенность в соответствии качеств должностного лица его служебному положению). Какой-либо научной классификации правовых чувств и эмоциональных

²⁷ См. об этом: *Мелас В.* Феноменология признания // *Логико-философские штудии.* 2015. Т. 13. С. 201–210.

²⁸ *Малахов В. П.* Философия права. С. 328.

состояний до сих пор не создано, хотя попытки их внешнего упорядочения на основе произвольных и достаточно условных критериев были. Представляется, что основная сложность в описании правовых чувств, таких как обида и правота, состоит в отсутствии самого понимания того, какие чувства, а также эмоции, состояния и их всевозможные комбинации следует именовать правовыми.

Теория права подразумевала существование этого богатого и разнообразного мира правовых переживаний, но фактически им никогда не интересовалась, справедливо полагая, что психические переживания, какими бы поводами они ни были вызваны к жизни, составляют предмет иной науки. Акцент делался на рациональном содержании права. Однако, как верно замечает Е. В. Тимошина в своем итоговом обзоре научного творчества Л. И. Петражицкого, «право существует там, где есть сознающий, переживающий правовые психические акты субъект»²⁹. Правовые суждения, в которых правовые нормы находят единственный выход к реальности, невозможно рассматривать лишь как события языка, политики, культуры, т. е. в отрыве от субъекта, наделенного не только сознанием, но и чувствительностью к условиям собственного социального бытия. Пока лишь современная теория права констатирует переживания, но не поясняет их моральный либо правовой характер. У современной науки нет инструментария, чтобы идентифицировать радость победы в конкурсе на замещение вакантной должности, тем более — отличить эту радость от той, которая сопровождает любое удачное стечение жизненных обстоятельств. Однако теория права благодаря работам Л. И. Петражицкого способна рассматривать правовые чувства в механизме правовых коммуникаций и, соответственно, изучать их роль в правовом мышлении. Позитивное право содержит в себе достаточно много поводов для такой постановки вопроса, на что в своем объемном труде обращает внимание А. Ф. Закомлистов, имеющий богатый опыт работы в качестве судьи³⁰. Если, например, оценка судом доказательств и доводов происходит по собственному убеждению, о чем уведомляет ст. 67 Гражданско-процессуального кодекса РФ, было бы странным в судебном споре обращаться исключительно к рациональным механизмам обоснования собственной правоты. Но, как представляется, дело заключается не столько в демонстрации, допускающей имитацию чувств, сколько в погружении на более глубокий уровень общения, где возможно реальное сопереживание, сочувствие и следующее из этого факта обнаружение действительных позиций участников судебного процесса, которое может получить рациональную форму выражения.

²⁹ Тимошина Е. В. Теория и политика права профессора Л. И. Петражицкого // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. С. XXII.

³⁰ Он, в частности, пишет: «Если формальная логика рассуждения в своей удостоверяющей безупречности полагается на внутренние ресурсы и законы мышления, то материальная логика доказывания и установления истинного положения дел в их юридической значимости основывается на потенциале доказательной демонстрации правоты, истоки которой находятся в реальной действительности. Стороне необходимо сформировать у суда ту же степень внутренней убежденности правоты в споре, которая присуща ей самой» (Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. СПб., 2003. С. 467–468).

По серьезному счету речь идет о том, чтобы в рамках правовой процедуры, всегда завершающейся каким-либо официальным правовым суждением, т. е. исходящим от авторитетной инстанции утверждением о статусе человека или судьбе вещи, состоялось вовлечение одного субъекта права в жизнь другого. Без этого реального события убеждение в правоте не возникает. А без сознания собственной правоты, как заметил Л. И. Петражицкий, даже рабовладелец не способен подчинить себе раба³¹.

Примитивные ощущения позволяют человеку ориентироваться в природной среде. Сложные социальные переживания сопровождают соприкосновение не столько с материальными объектами, сколько с теми событиями, которые так или иначе идентифицированы человеком как участником социального взаимодействия. Так, естественная неудовлетворенность, испытываемая организмом как чувство голода, обретает социальную окраску, если голод явился закономерным итогом собственной неосмотрительности или проводимой правительством экономической политики.

Чувства, испытываемые людьми в процессе общения, намного сложнее тех ощущений, которые обусловлены организацией их телесной оболочки, поскольку объект чувственного восприятия в социальных коммуникациях лишен непосредственной предметности. Человек реагирует не только на обстоятельства, но и на их отсутствие, которое нельзя констатировать без представлений о должном. Поэтому правовые чувства лишены непосредственности. Они сопровождают деятельность субъекта права, т. е. человека, наделенного способностью к правовым притязаниям и правовым суждениям. Эти чувства могут быть сложными, поскольку в действительности социальное взаимодействие никогда не ограничивается общением с одним предметом или одним контрагентом. Переживание выступает реакцией на многоуровневое смысловое событие, в котором есть основания для разнообразных, порой противоречивых, исключаящих друг друга чувств. Заслуга Л. И. Петражицкого состоит в том, что он показал, каким образом право обретает признаки реальности, в которой исключительно духовные запросы личности обретают формальное — а в широком социальном контексте и материальное — значение юридических конструкций.

Литература

Батыршина А. Р. Вильгельм Вундт: психология волевых актов // Высшее образование сегодня. 2008. № 11. С. 61–65.

Закомлистов А. Ф. Юридическая философия. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 548 с.

Иеринг Р. фон. Интерес и право // Иеринг Р. фон. Избранные труды. Самара: Самарская государственная экономическая академия, 2003. С. 333–428.

---

³¹ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 1909. С. 148.

Кобылин И. История боли: аффект, языковые игры и биополитика страдания // НЛО. 2017. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/3/istoriya-boli-affekt-yazykovye-igry-i-bio-politika-stradaniya.html> (дата обращения: 20.10.2017).

Козырева И. Е. Юридическая психология: история и современность // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика»: в 2 ч. / отв. ред. Ф. Х. Галиев. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 239–245.

Малахов В. П. Философия права. М.: Академический проспект, 2002. 448 с.

Мелас В. Феноменология признания // Логико-философские штудии. 2015. Т. 13. С. 201–210.

Петражицкий Л. И. Очерки философии права. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлихъ, 1900. 140 с.

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлихъ, 1908. 265 с.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб.: Екатеринбургское Печатное Дело, 1909. 318 с.

Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 245–379.

Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 561–598.

Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 8. СПб.: Просвещение, 1914. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2 (дата обращения: 20.10.2017).

Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3–138.

Тимошина Е. В. Право без суверена: проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Право и государство. 2015. № 4. С. 88–92.

Тимошина Е. В. Теория и политика права профессора Л. И. Петражицкого // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. XIV–XXXVI.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

References

Batyrshina A. R. Vil' gel' m Vundt: psikhologiiia volevykh aktov [Wilhelm Wundt: psychology of volitional acts]. *Vysshee obrazovanie segodnia [Higher education today]*, 2008, no. 11, pp. 61–65. (In Russian)

Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla [Man in the search for meaning]*. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (In Russian)

Kobylin I. Istoriia boli: affekt, iazykovye igry i biopolitika stradaniia [The history of pain: affect, language games and the biopolitics of suffering]. *NLO*, 2017, no. 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/3/istoriya-boli-affekt-yazykovye-igry-i-bio-politika-stradaniya.html> (accessed: 20.10.2017). (In Russian)

Kozyreva I. E. [Legal psychology: history and modernity]. *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniia i realizatsii: sb. statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 10-letiiu zhurnala «Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika»: v 2 ch.* [The rule of law: problems of understanding and realization]. Ed. by. F. H. Galiev. Part 1. Ufa, BashGU Publ., 2015, pp. 239–245. (In Russian)

Malakhov V. P. *Filosofiiia prava [Philosophy of law]*. Moscow, Academic Prospect Publ., 2002. 448 p. (In Russian)

Melas V. Fenomenologija priznaniia [Phenomenology of recognition]. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logic-philosophical studies], 2015, vol. 13, pp. 201–210. (In Russian)

Petrażycki L. I. *Ocherki filosofii prava* [Essays on the philosophy of law]. St. Petersburg, Yu. N. Ehrlih Publ., 1900. 140 p. (In Russian)

Petrażycki L. I. *Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti. Osnovy emotsional' noi psikhologii* [Introduction to the study of law and morality. Fundamentals of emotional psychology]. The 3rd ed. St. Petersburg, Yu. N. Ehrlih Publ., 1908. 265 p. (In Russian)

Petrażycki L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei npravstvennosti* [The theory of law and state in connection with the theory of morality]. The 2nd ed., corrected and amended. Vol. 1. St. Petersburg, Ekateringofskoe Pechatnoe Delo Publ., 1909. 318 p. (In Russian)

Petrażycki L. I. [Essays on the Philosophy of Law]. Petrażycki L. I. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [Theory and Law Policy. Selected works]. St. Petersburg, The legal book Publ., 2010, pp. 245–379. (In Russian)

Petrażycki L. I. [To the question of the social ideal and the revival of natural law]. Petrażycki L. I. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [Theory and policy of law. Selected works]. St. Petersburg, The legal book Publ., 2010, pp. 561–598. (In Russian)

Soloviev V. S. [Law and morality. Essays from Applied Ethics]. Soloviev V. S. *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 8. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1914. Available at: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2 (accessed: 20.10.2017). (In Russian)

Soloviev V. S. [The crisis of Western philosophy (against the positivists)]. Soloviev V. S. *Soch.: v 2 t.* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 3–138. (In Russian)

Timoshina E. V. Pravo bez suverena: problema deistvitel' nosti prava v iuridicheskom pozitivizme XX v. [Right without a sovereign: the problem of the validity of law in the legal positivism of the twentieth century]. *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], 2015, no. 4, pp. 88–92. (In Russian)

Timoshina E. V. [Theory and Politics of Law in the concept of Professor L. I. Petrażycki]. Petrażycki L. I. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [Theory and policy of law. Selected works]. St. Petersburg, The legal book Publ., 2010, pp. XIV–XXXVI. (In Russian)

Yering Rudolf von. [Interest and right]. Yering Rudolf von. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Samara, Samara State Economic Academy Publ., 2003, pp. 333–428. (In Russian)

Zakomlistov A. F. *Iuridicheskaiia filosofiiia* [Legal philosophy]. St. Petersburg, Yuridicheskij Center Press Publ., 2003. 548 p. (In Russian)